Тетради
Русской экспертной школы

2017 № 4

Москва
Русская экспертная школа
2017

УДК 316. 75(470+671)
ББК 60. 0(2Рос)
Т37

Партнёры:

Всемирный русский народный собор
Философский факультет МГУ им. М. В. Ломоносова
Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь)

Книга издана при финансовой помощи
Фонда просвещения «МЕТА»

Т37 **Тетради Русской экспертной школы № 4** : научное издание / Под ред. В. А. Щипкова. – М. : Русская экспертная школа, Пробел-2000, 2017. – 136 с.

ISBN 978-5-98604-646-4

Настоящий номер Тетрадей Русской экспертной школы представляет собой сборник избранных экспертных позиций и докладов, обсуждавшихся на семинарах и конференциях Школы в 2017 году. В этом номере рассматриваются следующие вопросы: какого человека формирует современное образование, как осуществляются революции в современном мире, как события 1917 года влияют на современный политический дискурс, как формируется образ Русской Православной Церкви за рубежом, что такое интеллектуальная дипломатия и каковы истоки культурного кризиса современной Европы.

Наши электронные контакты:
ruseschool@yandex.ru
vk.com/ruseschool

ISBN 978-5-98604-646-4

© Русская экспертная школа, 2017.
© Щипков В. А., 2017.
© Пробел-2000, 2017.
© Фонд просвещения «МЕТА», 2017.

Содержание

В. А. Щипков

Отношение к 1917 году как показатель
идеологических поисков в современной России (доклад) 5

А. П. Козырев

Философия образования и философия человека.
Какого человека формирует современное «глобальное образование» .. 39

О. А. Матвейчев

Революция под ключ. Кто заказывает
и как осуществляются революции в современном мире 65

А. Б. Рогозянский

Образ русского православия в экспертных сообществах Запада 91

Е. А. Белжеларский

Переосмысление модерна:
цивилизационное превосходство и Другой 102

Интеллектуальная дипломатия

В. А. Щипков

Что такое интеллектуальная дипломатия 109

Е. Е. Мамаев

О докладе М. Папазу «Размышления о Европе:
идентичность и верность» 112

M. Papazu

Reflections on Europe: Identity and Fidelity 120

В. А. Щипков
директор Русской экспертной школы, преподаватель МГИМО МИД России
кандидат философских наук

ОТНОШЕНИЕ К 1917 ГОДУ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ПОИСКОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (ДОКЛАД)[1]

Сегодня в медийном и научном дискурсе существуют пять разных взглядов на революционные события в России 1917 года: классический либеральный подход, неолиберальный (амбивалентный) подход, подход западных социалистов, подход российских социалистов и традиционалистский подход. Они не являются статичными и совершают идеологические дрейфования. В год столетия революции в России целесообразно проанализировать эти подходы и попытаться предсказать, в каком направлении они будут развиваться.

Классический либеральный (правый) подход

Февраль — хорошо и важно, Октябрь — зло, СССР — зло

Традиционно важное место в современных западных источниках занимает подход, сформировавшийся за годы холодной войны. Этот подход правильнее назвать классическим либеральным, так как он исходит из ценностей рыночной экономики, демократии и гражданских свобод и основывается на

[1] Основные положения доклада в сокращённом варианте были впервые изложены в статье В. А. Щипкова «Пять революций. Современные идеологические подходы к оценке 1917 года», опубликованной в издании «Тетради по консерватизму» № 2 (2017).

убеждении, что Февральская революция была для России добром, а Октябрьская — абсолютным злом.

Этот подход отстаивает идею о том, что Февральская революция была «европейской» революцией, которая несла народу России надежду на демократические преобразования по европейским образцам: народ воодушевлялся предчувствием больших положительных перемен, перед ним приоткрывались перспективы нового и благополучного будущего.

Сторонники этого подхода утверждают, что Февральская революция давно вызревала в обществе и была неизбежна: происходило падение авторитета власти, церкви, армейского командования. Протестная волна двигалась снизу, была обусловлена внутренними болезнями[2]. Никаких масонских и иных заговоров не было, роль Запада в этих процессах не была определяющей. Здесь же звучит мысль, что Октября можно было избежать, если бы удалось раньше провести выборы в Учредительное собрание, выйти из войны и если бы Временное правительство смогло объединить под своим началом широкую левую коалицию.

В качестве причин краха Февральской революции в рамках этого подхода называются те же, что распространены и в советской историографии. Современный британский историк С. Бэдкок на сайте Би-Би-Си определяет их так: «Главная причина — разрыв между простыми людьми, трудящимися, народом, если хотите, и политической элитой. Новые правители не смогли понять нужды и потребности рядовых русских людей»[3].

---

[2] *Piontkovsky A.* The Russian Spring Has Begun [Электронный ресурс] // Hudson Institute. 2011. Режим доступа: http://hudson.org/research/8572-the-russian-spring-has-begun (дата обращения: 01.10.2017).

[3] *Бэдкок С.* Февраль 1917-го. Нестоличная революция [Электронный ресурс] // BBC Russian.com. 2007. Режим доступа: news.bbc.co.uk/hi/russian/russia/newsid_6423000/6423259.stm (дата обращения: 01.10.2017).

Противоположная оценка даётся революции Октябрьской, которая описывается как беда России, конец демократических начинаний, начало эпохи террора и тоталитаризма. Либеральный подход обозначает её как «антиевропейскую» революцию, закрывшую для России окно в Европу[4].

Фигуры императора Николая II и членов его семьи в классическом либеральном подходе не имеют принципиального значения: царя принято жалеть, но не рассматривать как важную историческую и политическую фигуру. Эпоха дореволюционной России воспринимается эмоционально, лирически: «Россия, которую мы потеряли». Утраченная культура, традиции, история дореволюционной России важны только как безвозвратно утерянные символы, как напоминание о жестокости большевиков, как показательно негативные последствия Октября. В идее «потерянной» России больше ненависти к советской власти, чем ностальгии по ушедшей эпохе.

В ряде стран Восточной Европы и постсоветского пространства, где в ход периодически пускается агрессивная антисоветская риторика, за идеологическую основу также берётся этот классический либеральный подход. При этом молодые проевропейские режимы, как правило, упрощают его для своих нужд: в публичной риторике полностью опускается тема Февраля, а основное внимание фокусируется на Октябре, деятельности большевиков и их преступлениях. Это направление мысли является базовой конструкцией, обслуживающей до сих пор политику десоветизации. Рано или поздно оно неизменно порождает идею о необходимости проведения «трибунала» над

---

[4] Does Russia Belong to Europe? [Электронный ресурс] // Center on Global Interests. 2016. Режим доступа: globalinterests.org/2016/04/29/does-russia-belong-to-europe/ (дата обращения: 01.10.2017).

советской историей и юридического её осуждения. Это показательный пример того, как разработанный комплекс одних и тех же идей по-разному преломляется и эксплуатируется в «западном центре» и «западной периферии»: в первом случае это респектабельные и отточенные концепции, во втором — грубоватая и зачастую непоследовательная риторика. Но как хорошая техника может долго работать в руках любого, так и эти идеологические конструкции вполне выдерживают небрежную эксплуатацию и долго остаются эффективными. Памятники Ленину сносятся в логике именно этого классического либерального подхода.

Среди российских фабрик мысли, транслирующих классический либеральный подход, можно, например, выделить Московский центр Карнеги, в публикациях которого Февраль 1917 года называется «несбывшимися надеждами на либерализацию»[5].

Итак, в классическом либеральном подходе принципиально выделяются две революции — Февральская и Октябрьская. Первая описывается как позитивное явление, второе — как негативное. Октябрь здесь предстаёт как следствие неудачи Февраля. Но наиболее трагический момент истории при таком подходе заключается не в самом Октябре и даже не в его тяжёлых последствиях, а в «упущенных возможностях» Февраля, который не смог удержать власть и не успел сформировать устойчивую систему государственного управления. Таким образом, классический либеральный подход строится на противопоставлении Октября Февралю. Несмотря на то, что этот подход

---

[5] *Shevtsova L.* The Next Russian Revolution [Электронный ресурс] // Carnegie Moscow Center. 2012. Режим доступа: carnegie.ru/2012/10/30/next-russian-revolution-pub-50211 (дата обращения: 01.10.2017).

до сих пор широко распространён в современной либеральной мысли, в нём уже четверть века происходят эволюционные изменения.

Неолиберальный (амбивалентный) подход

Февраль — хорошо и неважно, Октябрь — хорошо и важно, революция — всегда благо, советская действительность — зло

После распада СССР, утверждения новых проевропейских режимов на постсоветском пространстве и начала эпохи цветных революций либеральный подход к трактовке событий 1917 года столкнулся с идейным кризисом: перестали быть актуальными и востребованными противопоставления Февраля Октябрю, а также поиски исторических сценариев, объясняющих, как можно было бы избежать катастрофы и направить энергию 1917 года в мирное русло. Сам же Октябрь в либеральном подходе не получил нового осмысления, стал превращаться в частный и малоизвестный исторический факт. Линейная трансляция ненависти и открытое желание десоветизации в формате исторической мести и вовсе заводит либеральный подход в идейный тупик: тема 1917 года перестаёт выполнять какую-либо функцию и выпадает из либеральной идеологической конструкции.

Эстафету у тупиковой и невостребованной либеральной концепции взял неолиберальный подход, который стремится преодолеть возникающие смысловые противоречия либерального подхода через усиленную сакрализацию идеи революции.

Неолиберальный подход — амбивалентный, двойственный. В целом сохраняя парадигму либерального взгляда, он реже говорит «о двух революциях» и смещает центр своего внимания на события Октября. Далее он совершает свой глав-

ный идеологический акт: Октябрьская революция исторически и морально отделяется от всей последовавшей за ней политики большевиков, происходит противопоставление идеи революции политике большевизма. Таким способом этот подход определяет революцию как исторически объективный и необходимый феномен в жизни общества и одновременно очерняет реальную ситуацию в тогдашней России, клеймит преступления лидеров большевистского движения.

Однако и на этом неолиберальный подход не останавливается. В настоящее время проводники этого подхода осуществляют следующую операцию: отделяют теорию большевистской социал-демократии от её реальных практик в России. Большевистская социал-демократия характеризуется неолибералами негативно только в том объёме, в каком она была искажена российской действительностью, большевизмом и фигурами Ленина и Сталина. Сами же по себе социал-демократические идеи, вышедшие из европейской философской мысли, признаются и оцениваются позитивно, как несущие демократические свободы и полезные для России того времени преобразования. Не будет удивительным, если в будущем сам термин «большевизм» когда-нибудь будет реабилитирован логикой неолиберального подхода.

В конечном итоге неолиберальный подход максимально оправдывает и превозносит идею революции как важнейшего исторического и культурного события в жизни общества, снимая с неё негативные смысловые отягощения: революция объявляется благом, революционные политические идеи в начале русского XX века — передовыми и позитивными, но сама реальность в той России — злом. Неолиберальный подход предлагает новую риторику, позволяющую успешно транслировать старые либе-

ральные идеи (реваншизм, пересмотр итогов революции 1917 года, исторического трибунала над современной Россией). Раньше — в рамках либерального подхода — говорилось, что история России омрачена революционными процессами 1917 года, теперь же чаще говорится, что это был единственный проблеск в истории страны. Раньше идея революции воспевалась советским государством, теперь — современными западными идеологами, бывшими «антибольшевистскими крестоносцами».

Ряд экспертов, придерживающихся классического либерального взгляда, в последние годы стали часто и настойчиво добавлять к своим привычным комментариям слова надежды на новую революцию в современной России: «Россия встречает годовщину той революции ожиданием новой, потому что реально только она может разрешить долгосрочный системный кризис»[6]. Или: «Для постсоветских обществ революция — это всё ещё законный инструмент социальных изменений»[7]. Старший советник «Атлантического совета» (известная американская фабрика мысли) Х. Ульман, утверждает, что в России в XX веке были две революции, в 1917 и 1991 годах, и предлагает ждать «третью» в будущем[8]. Это одно из направлений, по которому либеральный подход дрейфует в сторону неолиберального, поскольку Октябрь в этих построениях рассматривается как позитивный феномен.

---

[6] Революция как сплетение проектов [Электронный ресурс] // BBC Russian.com. 2007. Режим доступа: news.bbc.co.uk/hi/russian/russia/newsid_6422000/6422339.stm (дата обращения: 01.10.2017).

[7] *Sotieva L.* The legacy of the Russian revolution, 100 years on [Электронный ресурс] // Russia and beyond. 2017. Режим доступа: https://www.opendemocracy.net/od-russia/larisa-sotieva/legacy-of-russian-revolution-100-years-on (дата обращения: 01.10.2017).

[8] *Ullman H.* The Third Russian Revolution [Электронный ресурс] // Atlantic Council. 2013. Режим доступа: www.atlanticcouncil.org/blogs/new-atlanticist/the-third-russian-revolution (дата обращения: 01.10.2017).

Неолиберальный подход к теме 1917 года основывается на поиске революционного нерва в современном идеологическом пространстве, без особого внимание к тому, в каких декорациях этот нерв проявляется.

В каком-то смысле неолиберализм менее «идеологичен», чем либерализм, который в прошедшем столетии был настроен на последовательную борьбу с советским социализмом, когда одна идеология бескомпромиссно противопоставлялась другой, рынок — плану, индивид — государству, Февраль — Октябрю. С завершением советского периода либерализм стал «всеобщей» идеологией, «метаидеологией», а его учения о человеке, обществе и государстве были объявлены нормативными и поднялись на высоту, недосягаемую для оспаривания. Место же дискурсивной нормы, которое в западных странах ранее отводилось либерализму, занял неолиберализм. Неолиберализм является трансидеологией, состоящей из разнообразных элементов, в том числе не всегда свойственных либерализму, и обслуживающим оператором либерализма на современном этапе истории. Одним из этих элементов является вдохновлённая постмодернизмом идея перманентного разрушения современности ради движения вперёд, идея «революции», которая сама по себе становится движущей силой общества в условиях неолиберального и во многом безыдейного постиндустриализма.

Прямо или косвенно идею революции поддерживают все категории спикеров и авторов, двигающихся в неолиберальном мейнстриме, независимо от их политических взглядов.

Если говорить о России, то среди ярких примеров неолиберального подхода можно отметить позицию историка И. Б. Чубайса, который отмечает, что историческая Россия и Советский Союз являются «взаимоисключающими государствами»,

выступает за «Русский Нюрнберг» и возвращение к «исторической России до 1917 года» любыми, в том числе революционными методами (по этой аналогии «Русскому Нюрнбергу» должно предшествовать «Взятие Берлина», то есть силовая смена власти в России). С рядом оговорок можно отнести к этой же категории историка А. Б. Зубова, который отстаивает необходимость пересмотра итогов гражданской войны в России в пользу белых демократических сил и выражает желание, как и И. Б. Чубайс, произвести откат общества в состояние накануне 1917 года; при этом он не против новой революции в декорациях современной России. Революционный нерв виден и в рассуждениях историка и политолога Ю. С. Пивоварова, который отстаивает точку зрения о том, что приход в 1917 году к власти большевиков привёл к появлению совершенно нового и по многим качествам отрицательного антропологического типа, своеобразного антиевропейца — «хомо советикуса», который, по его словам, до сих пор доминирует в России и является источником многих её социальных проблем.

Здесь трудно не вспомнить аллегории, связанные с так называемым «майданным богословием» — направлением современной мысли, ориентированным на поиск богословских оправданий цветных революций. Как учит практика «майдана», для искоренения из себя «бездуховности», «советскости», «российскости», «москальства» и перевоплощения в европейца, человека духовного, нужно совершить определённый революционно-религиозный акт, где «молитвой» станут песни рок-групп, славословие будет заменено текстом «Слава Украине», поклоны — харизматическим скаканьем, призванным вытрясти из человека остатки его советского прошлого, просфора — печеньем, ладан — чёрным дымом горящих покрышек.

Это, конечно, утрированная аналогия, но она способна показать, как дух 1917 года с его тёмным и упадническо-восторженным мистицизмом недвусмысленно призывается рядом мыслителей в наши дни. Они, как правило, являются идейными сторонниками модернизации общества и системы управления с помощью «демократических революций» и часто верят в их преобразующую силу, как верили революционные группировки накануне 1917 года в неизбежность и необходимость физической борьбы со строем.

Похожий подход использован в интернет-проекте «Свободная история», запущенном в конце 2016 года (главный редактор М. Зыгарь), где в исторических декорациях чёрного юмора, отсутствия моральных сил и ориентиров, беспомощности перед будущим, упадничества и восторженного безумия изображается картина духовно и интеллектуально агонизирующей страны, которой может помочь только роковая и очищающая революция. Подобные проекты стремятся воспроизвести революцию, сделать её снова реальностью — «это способ оживить прошлое и приблизить его к настоящему»[9].

Было бы, однако, несправедливым сказать, что «дух революции» манит только сторонников «майдана» и «Болотной». Революционный нерв присутствует и на противоположной стороне баррикад, на «Поклонной горе». «Революционерами» по духу в определённой степени являются и С. Кургинян, который в своей риторике возрождает идею классического левого советского проекта и желал бы «перезагрузить» СССР в исправленной и доработанной версии «2.0», и А. Проханов, для которого

[9] Что такое «1917. Свободная история»? [Электронный ресурс] // 1917. Свободная история. Режим доступа: https://project1917.ru/about (дата обращения: 01.10.2017).

важнейшей поворотной (фактически, революционной) вехой русской истории стала фигура Сталина. Сталин у Проханова — это явление постмодернистского порядка, это возвращение к метафизической России, это «Победа», это в конечном итоге вечная национал-имперская контрреволюция и революция одновременно.

Революционный настрой встречается и у монархистов-патриотов, и у идеологов белого реваншизма. Например, ещё недавно на одной конференции РИСИ, в годы симпатий его руководства к белому движению, один из научных сотрудников эмоционально заявил: «Надо наконец добиться официального признания, что в 1991 году в России победили белые!». В издании РИСИ «Столетие великой русской катастрофы 1917 года» утверждается, что 1917 год привёл к окончательному и непоправимому слому национального кода русского народа, но что при этом белое движение не потерпело окончательного поражения, его настоящая идеология — православие, а белый вождь — царь. Такая «антиреволюционная» риторика, призывающая к пересмотру результатов 1917 года, к историческому реваншу, сегодня тоже работает в «революционной» парадигме.

Все перечисленные выше спикеры являются приверженцами неолиберального подхода к событиям 1917 года, несмотря на то, что в политическом плане они могут быть противниками. Они пытаются оживить революцию, объяснить и осознать события столетней давности через поиск актуального революционного нерва и транслировать его в наши дни. В одном неолиберальном ряду оказываются и авторы проекта «Свободная история», и политологи, искусственно проводящие многочисленные аналогии между 1917 и 2017 годами, и разного рода идейные реваншисты, убеждённые в необходимости пересмотреть итоги

1917 года в чью-либо пользу (хотя бы моральную), и современные авторы «революциологии», изучающей государственные перевороты как важнейший способ развития демократического общества, — научного направления, до поры заброшенного, но сегодня вновь возрождаемого.

На Западе палитра идей и образов, связанных с темой 1917 года, в настоящее время также вращается вокруг превозношения самой идеи революции, в отрыве от собственно историко-идеологических споров. Революция — отдельно, а большевистская социал-демократия, реальное положение дел в советской России, политика Сталина и другие темы — отдельно. Революция, гражданская война, коллективизация и репрессии в западном информационном пространстве не имеют таких тесных причинно-следственных связей, какие они имеют в современных российских дискуссиях.

Именно такой подход организаторы положили в основу выставки «Революция: русское искусство 1917–1932», которая открылась в феврале 2017 года в лондонской Королевской академии художеств, где революционный дух показан воодушевляющим человека, устремляющим его вверх, в будущее. По словам куратора выставки, преподавателя русского искусства в Институте Курто (Лондон) Натальи Маррэй, главная задача выставки — показать «романс революции»[10]. Такой же подход использовался в художественном оформлении церемонии открытия Олимпиады в Сочи в 2014 году, один из центральных эпизодов которого был посвящён искусству русского революционного авангарда.

Таким образом, классический либеральный подход к

---

[10] В Лондоне открылась выставка, посвящённая русской революции 1917 года [Электронный ресурс] // НТВ. 2017. Режим доступа: www.ntv.ru/novosti/1759018 (дата обращения: 01.10.2017).

оценке 1917 года движется в сторону неолиберального. Старый антисоветизм становится более разборчивым, идея революции чаще превозносится, социал-демократические и иные революционные учения того времени отделяются от теории тоталитаризма, темы гражданской войны и советских репрессий. Это оживляет и активизирует дискуссию в интересах устаревающего либерального подхода, наполняя его новой идеей. Главная цель неолиберального подхода — сделать так, чтобы люди снова почувствовали дурманящий запах революции, и не важно, что мысленно одни будут восстанавливать историческую справедливость или дворянскую честь своих предков, другие — мстить за царя и мечтать о монархии, третьи — переигрывать исход политической борьбы между эсерами, кадетами и социал-демократами, четвёртые — культивировать внутреннее желание отомстить большевикам. Неолиберальная мысль не просто оправдывает 1917 год и современные цветные революции. Она обожествляет саму революцию. Революция — это её «бог»:

«В этом смысле Христос — религиозный предел всякой революции… Религия и революция — не причина и следствие, а одно и то же явление в двух категориях: религия — не что иное, как революция в категории Божеского; революция — не что иное, как религия в категории человеческого. Религия и революция — не два, а одно: религия и есть революция, революция и есть религия» [11].

Об этом Мережковский писал в 1908 году, эти же идеи живы и в 2016 году:

---

[11] Цит. по: *Козырев А. П.* Революция и русская мысль // Тетради Русской экспертной школы: научное издание / Под ред. В. А. Щипкова. М.: Русская экспертная школа, Пробел-2000, 2017. 120 с.

«Революция — единственный способ для таких людей [избранного меньшинства — *прим. В. Щ.*] прикоснуться к Истории: не наблюдать её со стороны, а творить её. И неважно, каким окажется результат подобного творчества. Ощущение причастности к чему-то гораздо, гораздо большему, чем ты сам, останется на всю жизнь — как самая сильная эмоция, самое сильное чувство, пережитое человеком.

С психологической точки зрения революция — попытка человека радикально обновить мир и столь же радикально обновиться самому. И в стремлении к ней, в своём революционном действии человек на мгновение уподобляется богу» [12].

Неолиберализм сегодня становится религией революции, неолиберальной теодицеей, в которой «теос» означает «Революцию».

Подход западных социалистов (левых)

Февраль — хорошо и неважно, Октябрь — хорошо и важно, социалистическая революция — благо, советская действительность — зло

Классическому либеральному подходу к теме революции на Западе, как и в советской России, традиционно противостоял левый взгляд на революцию.

Взгляд западных левых на события 1917 года формировался в XX веке одновременно с правым подходом (классическим либеральным). Он зиждется на трёх утверждениях: Октябрьская революция — безусловное историческое достижение и благо, февральские события в России должны рассматриваться лишь

---

[12] *Соловей В. Д.* Революtion! Основы революционной борьбы в современную эпоху. М.: Эксмо, 2016.

в контексте Октября, а не как отдельная революция, а власть большевиков в России начиная со Сталина имела мало общего с социалистическими идеалами.

Настойчивое отделение теории Маркса от реальной политики большевиков делает современных западных левых, наверное, наибольшими идеалистами на всём современном политическом спектре. Они отказываются от советского проекта — как от чуждого и еретического по отношению к первоначальному учению. А поскольку других серьёзных примеров реального воплощения социалистической теории история не знает (Китай, Куба, Венесуэла также не рассматриваются классическими левыми как достойный образец подражания), то западные левые нарочито уходят от исторической реальности в область проектирования.

Показательным примером является риторика фонда «Розы Люксембург», аналитического центра, аффилированного с немецкой «Левой» партией[13]. Центральным пунктом этой риторики является утверждение о том, что в современном (либеральном) дискурсе доминирует ошибочный подход: Февральская революция оценивается в его рамках позитивно по причине её буржуазной природы, которая соответствует буржуазной природе современного общества, тогда как пролетарская Октябрьская революция и коммунистические деятели, её свершившие, рассматриваются нынешним правым истеблишментом как «воплощения терроризма и насилия», а социалистический строй — как «априори бесчеловечный». По утверждению руководства фонда, это происходит потому, что историю пишут по-

[13] Die Russische Revolution 1917 in der aktuellen Debatte [Электронный ресурс] // Rosa Luxemburg Stiftung. 2010. Режим доступа: www.rosalux.de/news/36815/die-russische-revolution-1917-in-der-aktuellen-debatte.html (дата обращения: 01.10.2017).

бедители. На это «Роза Люксембург» предлагает классический левый ответ: революция была одна и продолжалась непрерывно с февраля по октябрь, она была в чистом виде социалистическая, пролетарская и осуществлялась по теории марксизма, она была безусловным положительным явлением в жизни России и Европы. Далее фонд утверждает, что одна из главных теоретических задач современных левых — найти ответы на сложные вопросы, связанные с осмыслением 1917 года: почему практика революции не всегда соотносится с теорией, какой террор, «красный» или «белый», был первичным, почему впоследствии была искажена политическая линия Ленина и кто в этом виноват. На сегодняшний день клубок этих вопросов во многом распутывается путём обращения к личности Сталина: Сталин в интерпретации европейских левых — террорист и антикоммунист, Ленин — выдающийся теоретик революции и деятель левого движения, не несущий ответственности за политику своего последователя.

Квинтэссенцией подхода европейских левых к 1917 году является утверждение о том, что социалистическая революция — это всегда положительное явление, тогда как Советский Союз не являлся подлинным социалистическим государством, и его история была омрачена многими преступлениями. Разоблачая реальные недостатки советского строя, современные левые теоретики пытаются отделить природу 1917 года от природы последовавшего времени: Октябрь — отдельно, СССР — отдельно; Октябрь — это классика, СССР — это левая ересь.

Почти в тех же выражениях описана советская Россия в материалах «Marxist.com»: «…В России был не социализм, а пародия на социализм. Несмотря на часто звучащую клевету, именно сталинский режим был антитезой демократического режима,

созданного большевиками в 1917 году»[14]. Точно такие же тезисы звучат, например, и на страницах либерально-секулярной пакистанской газеты «Daily Times». Автор, Лал Хан, убеждённый марксист, отмечает, что Октябрьская революция в России была несправедливо оклеветана, а благие начинания Ленина и Троцкого были попраны Сталиным, который похоронил революционные идеалы и планы относительно мировой пролетарской революции[15]. В том же духе рассуждают левые британские авторы Т. Сандерс (T. Sanders) и Дж. Ньюсингер (J. Newsinger), написавшие к столетию революции в России роман «1917: красный год России» («1917: Russia's Red Year»). В романе проводится мысль о том, что революция была новой эрой для России и благом для всего мира: она принесла рабочие советы, демократию и самые прогрессивные на тот момент права для женщин. Как отмечается в рецензии на страницах газеты «Socialist Worker», выпускаемой Социалистической рабочей партией Великобритании, роман излагает аргументы в пользу социализма и вдохновляет «продолжать борьбу за лучший мир»[16].

Выражение «западные левые» в данном случае обозначает не столько географическую, сколько ценностную характеристику. «Западные левые» — наследники и поборники чистоты

---

[14] *Woods A.* What the Russian Revolution achieved and why it degenerated [Электронный ресурс] // In Defence of Marxism. 2017. Режим доступа: www.marxist.com/what-the-russian-revolution-achieved-and-why-it-degenerated.htm (дата обращения: 01.10.2017).

[15] *Khan L.* The Russian Revolution of 1917: lasting the ravages of time [Электронный ресурс] // Daily Times. 2016. Режим доступа: dailytimes.com.pk/opinion/06-Nov-16/the-russian-revolution-of-1917-lasting-the-ravages-of-time (дата обращения: 01.10.2017).

[16] 1917 — Russia's Red Year is inspiring in full colour a century on [Электронный ресурс] // Socialist Worker. 2016. Режим доступа: https://socialistworker.co.uk/art/43725/1917+++Russias+Red+Year+is+inspiring+in+full+colour+a+century+on (дата обращения: 01.10.2017).

академических левых идей, сформулированных в европейской философской мысли.

Поэтому такого же взгляда придерживаются и российские классические, «западные» левые, наиболее ярким представителем которых является политолог, директор Института глобализации и социальных движений Б. Ю. Кагарлицкий. По его словам, революция представляла собой единый положительный процесс, начавшийся в феврале 1917 года и продолжавшийся длительный период, в том числе после Октября, пока она не деградировала и не сошла на нет при Сталине: «Русская революция перевернула не только Россию, она радикально изменила весь мир… Итогом стало бесплатное образование, здравоохранение, даже повсеместное введение всеобщего равного избирательного права, которое до 1917 года отсутствовало не только в России, но и во многих странах Запада». По убеждению Кагарлицкого, революция оказала положительное влияние на страны Запада, где со временем начались масштабные социальные реформы как реакция на процессы в советской России, но сам Советский Союз провалил попытку построить социализм на практике[17].

Описываемый подход чаще лежит в основании идеологии «старых», классических европейских левых. Их тезисы часто начинаются с утверждения о том, что Октябрьская революция, как и любая социалистическая революция, есть благо, и заканчиваются утверждением, что СССР не является примером правильного социалистического государства.

Однако и так называемые новые левые, будь то уличные антиглобалисты, феминистки или респектабельные политологи,

---

[17] *Кагарлицкий Б. Ю.* Революция 1917-го радикально изменила весь мир [Электронный ресурс] // Pravda.ru. 2013. Режим доступа: https://www.pravda.ru/news/society/07-11-2013/1181206-revolution-0/ (дата обращения: 01.10.2017).

продолжают воодушевляться идеей революции — мечтой о низвержении иерархии глобального капитала и о реванше за большой период истории, начинающийся с эпохи географических открытий. Для новых левых идея революции — ещё более широкое и важное понятие, чем для «старых», классических левых. Новые левые уже без интереса смотрят на события 1917 года, для них не существует спора между Февралём и Октябрём и по большому счёту между Лениным и Сталиным. История советской России является для них периферийной и неинтересной, поскольку они видят в СССР структурную вторичность по отношению к Западу, противовес, который своим существованием помог укрепиться западной глобальной финансовой системе.

Несмотря на существующие различия между старыми и новыми левыми, оба эти движения объединяет однозначно положительное отношение к самому феномену революции, что в идеологическом пространстве сегодня сближает их с неолибералами. Особенно близкое понимание революции наблюдается у новых левых и неолибералов.

Для новых левых и неолибералов, возникших на гребне постмодернисткой волны 1960-х годов, революция означает разрушение современности. Только если неолибералы заняты постмодернистским разрушением современности, перманентным и революционным отрицанием окружающего культурного пространства, то новые левые борются не с текущей современностью, а с историческим модерном — эпохой, которая началась с великих географических открытий, установления колониального мира и возникновения «национальных государств» в Европе. В этом смысле если неолибералы — постмодернисты, то новые левые, скорее, — «антимодернисты». Новые левые ощущают себя реваншистами, выступающими за

историческую левую альтернативу либеральному глобализму. Они видят источник проблем в либеральной и неолиберальной идеологии. Неолибералы же видят источник проблем в отсталых, недемократических частях света и общественных порядках, и только затем — в себе самих, в современности, поэтому склонны не к реваншизму, а к военно-экономическому интервенционизму и культурному саморазочарованию одновременно.

Идея революции является исходной точкой и опорным элементом в этих идеологических конструкциях. Положительное отношение к революции наблюдается в неолиберализме и «западных» левых подходах, что влияет на положительные оценки ими событий 1917 года.

Подход российских социалистов (левых)

Февраль — плохо и неважно, Октябрь — хорошо и важно

Современные российские левые и российские социалисты, в отличие от «западных» левых, — это те партии и мыслители, для которых исключительную ценность представляет память о советском социалистическом проекте и Великой Октябрьской социалистической революции. В отличие от западных левых они негативно относятся к Февралю, а положительно оценивают не только ленинскую эпоху, но и весь последующий советский период.

Наиболее ярким представителем этой позиции является КПРФ. Риторика российских коммунистов по многим пунктам совпадает с позицией западных левых: Октябрьская революция — это продолжение «буржуазного» Февраля, она была теоретически обоснована Марксом и Энгельсом, её осуществил Ле-

нин — гениальный мыслитель и величайший политик; она была не «верхушечным переворотом», а результатом закономерного и предсказанного исторического процесса по переходу общества к более справедливой, прогрессивной формации и произошла на фоне «объективных условий» того времени (Первая мировая война); Российская империя была обречённым государством, Октябрьская революция — благом для страны[18].

Однако эти тезисы составляют лишь первую часть риторики КПРФ, которая продолжается риторикой советско-патриотической, совершенно чуждой любым «западным» левым. Если для европейских социалистов 1917 год является ценнейшим эмпирическим опытом, во многом подтверждающим теорию Маркса, которую можно учитывать и использовать в будущем, то для КПРФ Октябрь 1917 года — важнейшая и неповторимая веха мировой истории, сравнимая лишь с пришествием Мессии две тысячи лет назад. В сознании российских левых другого Октября никогда не будет. Они хранят память об этом событии как о центральном и сакральном, как о фундаменте для всей истории России: без Октябрьской революции и прихода к власти большевиков Россия бы «распалась на множество частей под британским, французским, американским, японским протекторатом»; «против молодой Советской республики ополчились 14 стран», но «страну уберегли стойкость и воля партии большевиков, их опора на широкие народные массы»; за первые 10 лет своего существования советская Россия сумела преодолеть путь, «на который Европа потратила целое столетие». Ключевой момент этой риторики заключается в смысловом объединении

[18] Интервью Председателя ЦК КПРФ Г. А. Зюганова агентству Синьхуа [Электронный ресурс] // КПРФ. 2016. Режим доступа: https://kprf.ru/party-live/cknews/154154.html (дата обращения: 01.10.2017).

двух дат: 1917 года и 1945 года. КПРФ устами своего лидера последовательно продвигает тезис о том, что без Октябрьской революции была бы невозможна победа над Германией и разгром Японии в 1945 году, дальнейшее восстановление народного хозяйства, создание ракетно-ядерного паритета с США, полёт в космос: «Всё это и многое другое стало прямым следствием Революции, совершённой в октябре 1917 года»[19].

КПРФ в постсоветской России выполняет важную историко-культурную функцию: она цементирует историю советского периода на отрезке между двумя разрывами в 1917 году и 1991 году, пытаясь не допустить возникновения новых разрывов внутри этого периода, сопротивляется упорным либеральным попыткам создать новый исторический разрыв в точке 1937 года, по-своему отделяющей «хорошую» советскую историю от «плохой». Поэтому лидеры российских коммунистов видят одинаковую опасность в пересмотре результатов революции 1917 года и Великой Отечественной войны, в сносе памятников Ленину и памятников советским солдатам.

Эксплуатация советского патриотизма не является главной задачей российских коммунистов. Главное для КПРФ — положить в основание российской традиции советскую историю цельной плитой: именно советская история, лежащая на двух опорах — Октябрьской революции и Победе над фашизмом, — по логике КПРФ, должна стать фундаментом не просто общественно-политической мысли, но мысли философско-теологической. Квинтэссенция традиции по КПРФ: «Нам надо поклониться большевикам, которые спасли страну»[20].

[19] Там же.

[20] Политики рассказали, как будут отмечать столетие революции [Электронный ресурс] // Вести.Ru. Режим доступа: http://www.vesti.ru/doc.html?id=2828685 (дата обращения: 01.10.2017).

Несмотря на узость такого представления о традиции, включающего в себя коммунистические и советские образы, но оставляющего на периферии интереса православную культуру, оно периодически становится популярным в обществе, особенно на фоне обострения идеологического напряжения со старым либеральным Западом. Когда на Украине и в других странах сносят памятники Ленину, в России в самых разных политических, религиозных и социальных слоях это нередко воспринимается как акт русофобии. Ленина сносят не потому, что он большевик, а потому что он русский деятель. Попытки сохранить советскую историю как часть русской истории приводят многих людей к показательной защите всего советского как части русской исторической традиции. Это естественная ответная реакция: «мы защищаем от посягательств ревизионистов факты советской истории по причине того, что это факты нашей истории».

Одним из ярких примеров такой позиции является публикация политолога Виталия Третьякова «Как нам отмечать 100-летие Октября 1917 года»[21]. Как и КПРФ, Третьяков видит в Феврале символ деградации, а Октябрь оценивает как величайшее достижение. Он отмечает, что большевики воссоединили распавшуюся после Февральской революции страну и дерзнули реализовать утопический проект, который сопоставим «с масштабами самой человеческой истории и уступает разве что появлению и развитию великих религиозных проектов, в частности — христианства», и что за это заслуживают уважения. Октябрьская революция, по словам Третьякова, является образцовой революцией, позитивный опыт которой может и

[21] *Третьяков В. Т.* Как нам отмечать 100-летие Октября 1917 года [Электронный ресурс] // Свободная пресса. 2017. Режим доступа: svpressa.ru/politic/article/165229/ (дата обращения: 01.10.2017).

должен быть использован в будущем. Поэтому Третьяков призывает отмечать 100-летие «Великой Октябрьской революции» как общегосударственный праздник. Эта позиция полностью совпадает с риторикой КПРФ, при том, что Третьякова нельзя назвать идейным последователем и апологетом этой партии.

К идейной платформе КПРФ сегодня приходит каждый, кто использует советские исторические декорации как основное средство для описания исторической традиции России.

Такого же взгляда на 1917 год придерживается партия «Справедливая Россия»: «Если мы говорим о Феврале, это была трагедия. А если мы говорим об Октябре, то всё-таки это была Великая Октябрьская революция»[22]. Здесь она повторяет КПРФ, несмотря на все свои стилистические отличия от этой партии.

Однако в идеологии «Справедливой России» есть и свои особенности. Поскольку первоначально она строилась по образцу современных левых европейских партий, в её риторике появляются соответствующие западному леволиберальному дискурсу утверждения о том, что социалистические идеалы Октября не были воплощены в советской действительности и что достижения советской власти не могут оправдать «ни террор, ни массовые репрессии»[23].

В риторике «Справедливой России» присутствуют при этом и ноты третьего, традиционалистского подхода, отрицающего всякие революционные методы: «Все революции без исклю-

---

[22] Политики рассказали, как будут отмечать столетие революции [Электронный ресурс] // Вести.Ru. Режим доступа: http://www.vesti.ru/doc.html?id=2828685 (дата обращения: 01.10.2017).

[23] Выступление Сергея Миронова на конференции «Октябрь 1917. Современное прочтение истории» [Электронный ресурс] // Справедливая Россия. 2012. Режим доступа: www.spravedlivo.ru/5_45467.html (дата обращения: 01.10.2017).

чения безжалостно эксплуатируют человека. Добрых революций не бывает — это очень важный урок истории. Революция — сама по себе есть катастрофа»[24]. Таким образом, в подходе «Справедливой России» к теме 1917 года сочетаются три разных взгляда: российский левый, «западный» левый и традиционалистский.

Традиционалисты

Сам феномен революции — зло

Помимо перечисленных выше подходов к оценке событий 1917 года и самого феномена революции существует ещё одна точка зрения — традиционалистская. Её нельзя назвать консервативной, так как она не консервирует некую часть истории, а является надысторической и апеллирует к христианскому мироощущению. В современной России этот подход широко распространён не только в интеллектуальной среде, но и в общественном сознании. Он гласит, что революция всегда несёт зло и делается злой волей, под какими бы лозунгами она ни проводилась, а её средства никогда не оправдывают цели. Эта мысль глубоко укоренена в русском сознании, а после перестройки, распада СССР и вхождения России в эпоху нестабильности стала осознаваться отчётливо. Сам термин «революция» стал ассоциироваться с неолиберальной идеологией и политикой западного интервенционизма.

В начале 2010-х, на фоне попыток осуществить в России цветную революцию и с началом украинского кризиса, этот подход особенно укрепился как в российском обществе, так и в официальном российском политическом языке, фактически приобрёл доктринальный характер.

[24] Там же.

В новой, постсоветской реальности традиционалистский подход к оценкам 1917 года одним из первых сформулировал А. Солженицын. В 1995 году он опубликовал статью «Размышления над Февральской революцией», в которой озвучил идею о том, что и Февральская, и Октябрьская революции являются «переворотами», одинаково трагичными и неоправданными. Говоря о Февральской революции, Солженицын отмечает, что она «была духовно омерзительна, она с первых часов ввела и озлобление нравов и коллективную диктатуру над независимым мнением (стадо), идеи её были плоски, а руководители ничтожны». И добавляет, что «Февральской революцией не только не была достигнута ни одна национальная задача русского народа, но произошёл как бы национальный обморок, полная потеря национального сознания». В этом Солженицын винит стечения исторических обстоятельств и слабость народного духа, оказавшегося не способным рассмотреть угрозу революционной стихии и противостоять её натиску. Но основную часть вины Солженицын вменяет императору Николаю II. Солженицын заявляет, что именно на царе лежала главная ответственность за судьбу страны и народа, от которой он не имел морального права отказываться ни в каком случае, не мог жертвовать своей властью даже ради спасения семьи: «Быть христианином на троне — да, — но не до забвения деловых обязанностей, не до слепоты к идущему развалу». Солженицын смотрит на царя как на политика, что ломает привычные либеральные и неолиберальные подходы к 1917 году, в которых фигура царя зачастую используется для декоративного фона, для демонстрации контраста между старой и мирной Россией и ужасами революции и гражданской войны. Солженицын не монархист, но именно в отречении царя от престола он видит главный трагический момент, предопределивший путь России в XX веке.

Октябрьская революция для Солженицына является следствием февральских событий и отречения царя. Но и на Октябре для него революция не заканчивается: он предложил называть революцией весь период с 1917 года по начало 1930-х — «величайшей кровавой необратимой революцией всемирного значения»[25]. В этой статье виден Солженицын-традиционалист, который уже не столько обличает большевизм, сколько ищет объяснения исторических разрывов в русской истории XX века.

В современной официальной политической риторике в России чаще всего отражается именно такой взгляд на революцию 1917 года, признающий её важное историческое значение, её объективные социальные и политические предпосылки, но оценивающий её как явление негативное. Основной посыл выступления В. Путина перед Федеральным Собранием в 2016 году — не использовать историю 1917 года для воспроизведения революционных идей в наше время: «Недопустимо тащить расколы, злобу, обиды и ожесточение прошлого в нашу сегодняшнюю жизнь, в собственных политических и других интересах спекулировать на трагедиях, которые коснулись практически каждой семьи в России, по какую бы сторону баррикад ни оказались тогда наши предки» [26].

Традиционалистского подхода к оценке 1917 года придерживается и Русская православная церковь, где он не закреплён документально, но проявляется и ощущается весьма отчётливо. Преимущество церковного взгляда состоит в том, что он внепартийный и шире — надполитический. С одной стороны,

---

[25] *Солженицын А. И.* Размышления над Февральской революцией // Родина. 2017. Специальный выпуск, февраль 2017.

[26] Послание Президента Федеральному Собранию [Электронный ресурс] // Президент России. 2016. Режим доступа: www.kremlin.ru/events/president/transcripts/53379 (дата обращения: 01.10.2017).

Церковь встретила революцию Поместным Собором 1917–1918 годов и восстановлением патриаршества — важнейшими событиями в церковной жизни со времён Петра I, безусловно, призванными укрепить Церковь после длительного синодального периода. С другой стороны, в это же мгновение Православная Церковь вступила в наиболее сложный и трагический период своей истории, подверглась физическому уничтожению со стороны агрессивной секулярной идеологии, что привело к появлению глубочайшего в своей трагичности и монументального по значимости явления — православного новомученичества.

На XXV Международных Рождественских образовательных чтениях «1917–2017: уроки столетия» устами Патриарха Кирилла впервые была озвучена развёрнутая позиция Церкви по отношению к 1917 году. Революция и последовавшие за ней события были названы Патриархом «трагическими испытаниями», «трагедией народа», «горнилом искушений», «моментом истины». Не только 1917 год, но и сам феномен революции Патриарх оценил как однозначно негативное явление и поставил его в один семантический ряд с терминами «война», «геноцид», «катаклизм». Патриарх подчеркнул, что сам по себе 1917 год не был причиной бед Церкви, народа и государства, а стал следствием глубоких внешних социальных противоречий и, что более важно, внутреннего, духовного кризиса общества.

Позиция Церкви, будучи традиционалистской, отличается от других подходов принципиальным отказом видеть в революции положительные черты. В православном сознании 1917 год являлся отнюдь не актом духовного обновления общества и личности, а болезнью, трагическим моментом истории, попущенным Богом за человеческие грехи, а также предельной проверкой христиан на прочность: «Революционные испытания

стали моментом истины для многих, но особенно для тех, кто некогда посвятил себя Богу. Кто-то отпал, не выдержав натиска гонений, но многие в этом горниле искушений обрели ту полноту веры и готовность идти ради Христа на смерть»[27].

Традиционалистский взгляд на революцию 1917 года и на феномен революции вообще постепенно развивается и в современной западной философской мысли. Такой подход одинаково не приемлет революцию буржуазную, социалистическую или цветную. В основном его придерживаются те мыслители и интеллектуальные центры, которые стоят на позициях, близких к традиционному христианству, а также выступают против доминирования в современном мире либеральной идеологии, как левого, так и правого направлений (см. например, труды А. Макинтайра, Дж. Милбанка, А. Пабста, авторов «Solidarity hall»). К традиционалистам часто близки по духу убеждённые противники американского интервенционизма (как правило, это люди левых убеждений).

***

В год столетия Русской революции появляется множество публикаций и комментариев, дающих оценки событиям вековой давности и осмысляющих современные подходы к мировой истории и роли в ней революционных механизмов. Два генеральных направления этого движения мысли в России можно обозначить как неолиберальное и традиционалистское.

---

[27] Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на открытии XXV Международных Рождественских образовательных чтений [Электронный ресурс] // Patriarchia.ru. Официальный сайт Московского Патриархата. Режим доступа: http://www.patriarchia.ru/db/text/4789256.html (дата обращения: 01.10.2017).

Классический либеральный подход и «западный» левый взгляд дрейфуют в сторону неолиберального, амбивалентного подхода, который оправдывает и превозносит феномен революции, считает революцию важнейшим историческим механизмом прогресса и духовного обновления общества. Неолиберальный подход всё меньше интересуется Февралём и всё большее внимание уделяет Октябрю, оправдывает Октябрь, а революционную теорию настойчиво отделяет от её трагической практики. Идея революции, подкрепляемая постмодернистской философией, крайне востребована неолиберальными течениями современной культуры и политики. Революция — это отрицание традиции и отрицание современности.

Второй набирающий силу подход — традиционалистский. Сегодня он лежит в основе официальной риторики российской власти, позиции Церкви и российского общественного сознания. Он опирается на собственный исторический опыт, а также укрепляется на фоне современной международной нестабильности и множественных локальных конфликтов, в детонации которых зачастую участвуют революционные механизмы.

Российские левые, идеологическим ядром которых является КПРФ, находятся в противоречивом состоянии. С одной стороны, они хотят придерживаться традиционалистского взгляда на историю России как на единый и неделимый процесс, с другой — характеризуют Октябрьскую революцию как позитивное и неизбежное явление, начало новой эры в мировом масштабе. Это свидетельствует о том, что мировоззренческое ядро КПРФ (а вслед и всех российских левых) в будущем может расколоться на две части, на две «партии»: традиционалистов и «западных» левых. Левые традиционалисты будут отстаивать

идеи непрерывности российской истории, христианской этики, социальной справедливости, защищать советский патриотизм, но принципиально осуждать любые революционные методы в политике. Левые «западные» будут характеризовать революцию как благо, выступать за социальную справедливость и придерживаться неолиберальных ценностей в вопросах этики, религии, семьи.

Аналогичное разделение на традиционалистов и неолибералов наблюдается и в российском правом (либеральном) лагере. Но здесь линия раздела часто проходит не по идеологическому признаку, а по признаку принадлежности к власти (во власти — традиционалисты, в оппозиции — неолибералы).

Таким образом, столетие Русской революции и начавшиеся дискуссии помогают представить существующий спектр политических идеологий более контрастно и разделить его на сторонников и противников революции как морально оправданного способа политического действия, революции как образа мысли. На приверженцев неолиберализма и традиционализма.

Список литературы:

Бэдкок С. Февраль 1917-го. Нестоличная революция [Электронный ресурс] // BBC Russian.com. 2007. Режим доступа: news.bbc.co.uk/hi/russian/russia/newsid_6423000/6423259.stm (дата обращения: 01.10.2017).

В Лондоне открылась выставка, посвящённая русской революции 1917 года [Электронный ресурс] // НТВ. 2017. Режим доступа: www.ntv.ru/novosti/1759018 (дата обращения: 01.10.2017).

Выступление Сергея Миронова на конференции «Октябрь 1917. Современное прочтение истории» [Электронный ресурс] // Справед-

ливая Россия. 2012. Режим доступа: www.spravedlivo.ru/5_45467.html (дата обращения: 01.10.2017).

Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на открытии XXV Международных Рождественских образовательных чтений [Электронный ресурс] // Patriarchia.ru. Официальный сайт Московского Патриархата. Режим доступа: http://www.patriarchia.ru/db/text/4789256.html (дата обращения: 01.10.2017).

Интервью Председателю ЦК КПРФ Г. А. Зюганова агентству Синьхуа [Электронный ресурс] // КПРФ. 2016. Режим доступа: https://kprf.ru/party-live/cknews/154154.html (дата обращения: 01.10.2017).

Кагарлицкий Б. Революция 1917-го радикально изменила весь мир [Электронный ресурс] // Pravda.ru. 2013. Режим доступа: https://www.pravda.ru/news/society/07-11-2013/1181206-revolution-0 (дата обращения: 01.10.2017).

Политики рассказали, как будут отмечать столетие революции [Электронный ресурс] // Вести.Ru. Режим доступа: http://www.vesti.ru/doc.html?id=2828685 (дата обращения: 01.10.2017).

Послание Президента Федеральному Собранию [Электронный ресурс] // Президент России. 2016. Режим доступа: www.kremlin.ru/events/president/transcripts/53379 (дата обращения: 01.10.2017).

Революция как сплетение проектов [Электронный ресурс] // BBC Russian.com. 2007. Режим доступа: news.bbc.co.uk/hi/russian/russia/newsid_6422000/6422339.stm (дата обращения: 01.10.2017).

Солженицын А. И. Размышления над Февральской революцией // Родина. 2017. Специальный выпуск, февраль 2017.

Соловей В. Д. Революtion! Основы революционной борьбы в современную эпоху. М.: Эксмо, 2016.

Третьяков В. Т. Как нам отмечать 100-летие Октября 1917 года [Электронный ресурс] // Свободная пресса. 2017. Режим доступа: svpressa.ru/politic/article/165229 (дата обращения: 01.10.2017).

Козырев А. П. Революция и русская мысль // Тетради Русской экспертной школы: научное издание / Под ред. В. А. Щипкова. М.: «Русская экспертная школа», Пробел-2000, 2017. 120 с.

Что такое «1917. Свободная история»? [Электронный ресурс] // 1917. Свободная история. Режим доступа: https://project1917.ru/about (дата обращения: 01.10.2017).

1917 — Russia's Red Year is inspiring in full colour a century on [Электронный ресурс] // Socialist Worker. 2016. Режим доступа: https://socialistworker.co.uk/art/43725/1917+++Russias+Red+Year+is+inspiring+in+full+colour+a+century+on (дата обращения: 01.10.2017).

Die Russische Revolution 1917 in der aktuellen Debatte [Электронный ресурс] // Rosa Luxemburg Stiftung. 2010. Режим доступа: https://www.rosalux.de/publikation/id/47/die-russische-revolution-1917-in-der-aktuellen-debatte (дата обращения: 01.10.2017).

Does Russia Belong to Europe? [Электронный ресурс] // Center on Global Interests. 2016. Режим доступа: globalinterests.org/2016/04/29/does-russia-belong-to-europe (дата обращения: 01.10.2017).

Khan L. The Russian Revolution of 1917: lasting the ravages of time [Электронный ресурс] // Daily Times. 2016. Режим доступа: dailytimes.com.pk/opinion/06-Nov-16/the-russian-revolution-of-1917-lasting-the-ravages-of-time (дата обращения: 01.10.2017).

Piontkovsky A. The Russian Spring Has Begun [Электронный ресурс] // Hudson Institute. 2011. Режим доступа: http://hudson.org/research/8572-the-russian-spring-has-begun (дата обращения: 01.10.2017).

Shevtsova L. The Next Russian Revolution [Электронный ресурс] // Carnegie Moscow Center. 2012. Режим доступа: carnegie.ru/2012/10/30/next-russian-revolution-pub-50211 (дата обращения: 01.10.2017).

Sotieva L. The legacy of the Russian revolution, 100 years on [Электронный ресурс] // Russia and beyond. 2017. Режим доступа: https://www.opendemocracy.net/od-russia/larisa-sotieva/legacy-of-russian-revolution-100-years-on (дата обращения: 01.10.2017).

Ullman H. The Third Russian Revolution [Электронный ресурс] // Atlantic Council. 2013. Режим доступа: www.atlanticcouncil.org/blogs/new-atlanticist/the-third-russian-revolution (дата обращения: 01.10.2017).

Woods A. What the Russian Revolution achieved and why it degenerated [Электронный ресурс] // In Defence of Marxism. 2017. Режим доступа: www.marxist.com/what-the-russian-revolution-achieved-and-why-it-degenerated.htm (дата обращения: 01.10.2017).